

Александр Владимирович Орлов родился в 1975 году в городе Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, Московский институт открытого образования. Работает учителем. Публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Литературная учеба», «Сибирские огни», «Юность» и других изданиях, антологиях, альманахах. Автор четырех книг стихотворений и сборника прозы. Обладатель золотого диплома и лауреат международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и ряда других литературных наград. Живет в Москве.

Александр Орлов

СЧАСТЛИВАЯ ПРОСТОТА

(Из чего рождается поэзия)

Как-то раз на вопрос доцента Литературного института им. А.М. Горького, кандидата филологических наук Юрия Михайловича Папяна, узнавшего о моем прочтении рассказа «Монастырская липа» Георгия Иванова: «Ну и как Вам он?», — я ответил: «Он прост в своем повествовании и сюжетном действии». Преподаватель старославянского языка и теоретической стилистики тут же парировал: «А Вы добейтесь такой простоты!»

Вспоминая этот вечер, я всегда размышляю над текстами, которые приходится читать везде — в сетевых ресурсах, газетах, «толстых» журналах; слышать на поэтических вечерах и творческих семинарах. В преобладающем большинстве стихотворных повествований отсутствует главное: внятность мышления и стройность конфигурации.

Создается впечатление, что авторы, вне зависимости от начитанной базы, являются выразителями эстетической безвкусицы, словно они не знакомы с классическим наследием русской и мировой поэтических школ.

Да и, по всей видимости, отечественное учение о мысли, вооруженной рифмой, им не дается, оно словно отвергнуто ими с презрением, непониманием, насмешкой, а вот манера любого иного типа считается возвышенным образцом.

Такие исследования лишены подлинного чувственного познания, они буквально вязнут в слиянии плотского и социального показного цинизма.

Создается удручающее впечатление массового перевеса темной стороны человеческого внутреннего противоборствующего существования, это явление можно охарактеризовать как попытку десаκραлизации христианского слова. Почему так? По моему мнению, это не из-за отсутствия патриотизма, гражданственности или любви к исконно русскому влиянию на внутреннее зрение, не из-за потери априорных истин, это факт духовного омертвения, а ведь еще Иоганн Вольфганг Гете предупреждал: «Каждый писатель до известной степени изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле». Стоит отметить, что подобное напускное или приобретенное заболевание не дает раскрыть естественный ресурс человека, и именно по этой причине кризисное стихослагательное воззрение не имеет ясности. Вопросы существования человеческого бытия не заданы, можно свидетельствовать лишь о грубоватой и судорожной попытке хаотичного изыскания. А ведь проблематика, задающая вопросы: Что я могу знать? Во что я могу верить? На что надеяться? Способен ли я любить? И что есть человек? — вечна. Невзирая на время, во все эпохи стихотворцы всего мира пытались в свободной и рифменной формах отвечать на данные вопросы. Ведь поэзия является одним из способов постижения самоочевидных истин, она ведома вдохновением по пути воображения и, в свою очередь, это действие выражает национальную преемственность. Денационализация собственного культурного наследия приводит к отсутствию познаний окружающей действительности, и результаты этого процесса жесточайшим образом дают о себе знать. И как здесь не вспомнить афоризм публициста, физика, астронома Георга Кристофа Лихтенберга: «Большинство людей живет по моде, чем по разуму».

По моему мнению, следует обратить внимание, как ярко, просто, неповторимо выглядят версии стихотворений зарубежных поэтов на русском языке. Приведу лишь несколько переводов доцента Литературного института им. А.М. Горького Игоря Болычева. К примеру, поэтический голос самого значимого нидерландского символиста начала XX века Яна Хендрика Леополда, переведенный на русский язык, в стихотворении «Мельница» звучит так:

Серые крылья идут и идут...
И незаметно мерцающий жгут
мыслей моих, вплетенных друг в друга,
скручиваясь и свиваясь упруго,
мерным вращеньем серого круга
втянутый, впутался, словно в моток
пряжи, в скользящий, влекущий поток
крыльев, которые снова и снова
в ровном беспамятстве кругового
хода, мотая ворсистую нить,
кажется, вечно готовы кружить,
все распуская — петлю за петлей —
неистошимый клубок нитяной.
Эти четыре огромных руки,
бархатно-серы, легки и узки,
будто бы крылья летучих мышей,
в неутомимой работе своей...

Сложно себе представить, что в голландском языке явилось бы такое красочное перебирание метафор и эпитетов, ведь подобное богатство слова способен дать исключительно русский язык. В качестве подтверждения вот строки известного немецкого поэта, драматурга, циркача, актера, истового борца с устоями XIX века и викторианской моралью Франка Ведекинда из переведенной на русский язык его многосмысловой элегии «Собаки»:

И наконец свобода!
Сколько собак на лугу!
Счастье особого рода —
Быть сукой в своем кругу.

Вообще из вселенской истории нам известно, что самые тревожные и противоречивые тенденции в искусстве были рождены на стыке веков, а творцы, являясь стражами границ культуры, предвестниками и свидетелями глобальных катастроф, предупреждали о надвигающейся опасности человечество порой ценой собственной жизни. Но главное в этих предсказанных эпохальных бедах — не только кончина человечества в целом, а внутренняя гибель в одном конкретном взятом человеке. Почивших авторов беспокоила кончина не столько физическая, сколько духовная, которая не способна к жизни после смерти и по этой причине обречена не найти свое продолжение ни в одном из светлых пространств, ее удел — тьма. Финал элегии Ведекинда может послужить постулатом для тех, кто так и не в состоянии определиться с собственным затемненным «я»:

Мимо в панаме белой
Шел пятилетний Фриц:
— Папочка, что это с Беллой
Делает серый шпиц?
— Имя этой картине
Ты дать, сынок, не готов,
Но знай: по этой причине
Скотами зовут скотов.

По моему мнению, последние четыре строки могли бы служить великолепным обращением к заблудшим подражателям, ориентированным на недлинные стихотворные образцы мультикультурализма. Но хочется оговориться — вот как отреагировал прозревший к 1918 году Александр Блок на постановку Всеволодом Мейерхольдом пьесы Ведекинда «Пробуждение весны», которая демонстрировала всю направленность творчества немецкого пессимиста: «У нас есть произведения, в которых пробиваются родники истинного искусства, или произведения, в которых сама наша земля, и наше измученное сердце кричат голосами нелепыми, нестройными, “неискусными”, но необходимыми нам».

По сути, если бы отечественная культура за всю свою многовековую историю не создала признанных художественных достижений, если бы дух ее не был пропитан идеей русского религиозного, литературного, философического, исторического наследия, то строки в русском переводе могли бы стать необходимой панацеей. Таким поэтическим ориентиром может служить пророческое стихотворение ключевой фигуры раннего немецкого экспрессионизма Георга Гейма «Офелия».

За два года до гибели поэт, писатель, драматург Гейм предсказал свою трагическую кончину. Утопленник на собственном примере доказал, что поэт не только ловец мыслей и чувств, переполняющих его сознание, но и ловец черных сущностей, которые способны превратить ожидание вечного праздника в нескончаемую трагедию. Возможно, эти строки помогут всем версификаторам, загипнотизированным западноевропейским мироощущением.

Гнездо болотной крысы в волосах,
И руки в кольцах, словно плавники,
Качаются; она плывет в лесах,
В дремучих зарослях на дне реки.
Закатный луч сквозь спутанную тьму
Спускается на дно ее души.

Зачем она мертва? И почему
Так одинока в девственной тиши?
Мышей летучих в дебрях камышей
Встревожил ветер влажною рукой.
И мокрокрылый темный рой мышей,
Как дым, повис над черною рекой...

Как любая другая наука, стихосложение покоится на мыслительных операциях и долголетнем духовном опыте, то есть на проверенном восприятии мира как части божественного замысла. Оно рождается от жизни духа, то есть от духовного существования, и этому процессу подвержены все. Вопрос даже не в состоянии сознания, поскольку и в бессознательном состоянии происходит процесс духовной подпитки. Источником подобного действия всегда является национальная духовная культура, в ней складывается индивидуальное самовосприятие, то есть понимание персональной деятельности духа. И можно только предположить, что происходит, когда такой самобытный источник прекращает свое существование.

Накануне своего восьмидесятилетия профессор Литературного института им. А.М. Горького, поэт, переводчик, драматург Владимир Костров сказал мне: «Бог русской поэзии — больше Христос, чем Аполлон». Это высказывание Кострова полностью отражает действительность духовного состояния русской литературы. В нашем христианизированном по византийскому образцу восточнославянском восприятии всегда будет главенствовать понимание Аполлона не как древнегреческого бога, покровителя искусств, символизирующего порядок, ясность, свет, а как бога языческого самолюбования. Напротив, Сын Пресвятой Девы Марии всегда будет для русского человека синонимом слова любовь, которая, как известно, призвана спасти мир. Такая любовь — это абсолютная истина, в ней сущность нашей национальной идеи, идеи русского сердца.

Здесь — многовековая счастливая простота передачи чувственного опыта. Уже не первому поколению наших соотечественников выпадает участь жить в изменяющемся многолетии, но это не может переменить наше понимание, волю, служение. Только вера в высшую духовную силу взрастившей страны, надежда на русский народ может сформировать понятие национального своеобразия у будущих поколений, обосновать творческую идею нации и указывать историческую задачу, избирая особый духовный путь.

